СИСТЕМНЫЙ ЛИТРПГ • КНИГА ПЕРВАЯ

# ПРАВО ДОСТУПА

> run "Холодный старт"

```
$ ssh ess@localhost
> пользователь: Кривцов А. Б.
> уровень: 1   титул: непричастный
> статус: КРИТИЧЕСКИЙ   осталось: 00:04:17
> рекомендация: обратитесь в храм. или умрите.

> restore
восстановление... 10%... 50%... 100%
система восстановлена. добро пожаловать.

> _
```

**Мир — это система.**

Кто-то забыл уволить из неё админа.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Дмитрий Белый

# Право доступа. Книга 1 - Холодный старт

«Автор»
2026

**Белый Д.**

Право доступа. Книга 1 - Холодный старт / Д. Белый — «Автор», 2026

Сисадмин Лёха Кривой умер на работе от удара током, чиня сервер. А очнулся — в теле четырнадцатилетнего Алекса Кривцова, сына обедневших бояр, которого мир записал в «непричастные». Система отвергла его при Причастии, отняла магию, титул и будущее.Но у Лёхи есть то, чего нет ни у кого в этом мире - командная строка. И когда система говорит «носитель повреждён», он знает, что делать.Теперь у него месяц, чтобы погасить долг, который его семья не потянет, научиться быть боярским сыном — и не спалиться, пока за ним наблюдает храмовый следователь, умеющий задавать вопросы страшнее любого боярина.Мир — это система. И кто-то только что вошёл в неё с правами администратора.

© Белый Д., 2026
© Автор, 2026

# Содержание

Глава 1 "Kernel panic" 5
Глава 2 Завтрак 11
Конец ознакомительного фрагмента. 15

# Дмитрий Белый
# Право доступа. Книга 1 - Холодный старт

## Глава 1 "Kernel panic"

Три часа ночи. За окном Москва, которая никогда не спит, но в этот час хотя бы притворяется. В офисе никого — только Лёха, сервер, собственноручно устроивший себе незапланированный даунтайм, и кружка холодного кофе, к которому он не притрагивался часа два. В наушниках — Prodigy, «Breathe».

Серверная пахла горячей пылью и жареным. Не метафорически — буквально: где-то в глубине стоечного шкафа что-то плавилось. Этот запах Лёха Кривой, двадцативосьмилетний сисадмин компании «Ромашка-Софт», узнал бы из тысячи. Запах смерти. Не его — железной. Железо умирало медленно и с достоинством, отправляя последние пакеты в никуда.

— Ну что, дружище, — сказал Лёха серверу, заглядывая в открытый корпус. Пыль, паутина, воспоминания о лучших днях. — Опять «критическая ошибка»? Синий экран? Классика. Ты, наверное, гордишься собой?

Сервер молчал. Серверы всегда молчат когда умирают. Это у них рофессиональное.Лёха сунул руку в глубь корпуса, нащупывая блок питания. Пальцы наткнулись на что-то горячее. Оголённый провод. Искра. Темнота.

Но темнота была не как в кино, где герой видит свет в конце тоннеля и слышит голоса умерших родственников. Нет. Темнота была цифровая. Чёрный фон. Белый текст.

SYSTEM FAILUREПользователь: Aleksey KrivoyСтатус: критическое повреждение носителяРекомендация: перезагрузка...Перезагрузка невозможна. Носитель не найден.Поиск альтернативного носителя...Найден: Кривцов Алекс, 14 лет. Статус: умирающий. Отторжение Причастия.Перенос сознания...Ошибка. Ошибка. Ошибка.Продолжить? Да / Нет / Я всё равно это сделаю

Лёха, даже в виде бесплотного духа, не удержался. Вселенная, если это компьютер, — с отвратительным UX. Ни прогресс-бара, ни отмены операции, только кнопка «Ок» и надпись «Не закрывайте это окно».«Жму Да, — подумал он. — Всё равно уже сдох. Хуже не будет. Наверное».

Мир схлопнулся. Без вспышек и музыки — просто воронка, будто кто-то нажал Ctrl+Alt +Del на реальности и выдернул шнур.

Он открыл глаза. Потолок — деревянный, в трещинах. Пахло ладоном, травами и слабо чем-то горелым. Не как в серверной. Как в церкви, где забыли проветрить.

Тело горело. Буквально. Каждый нерв, каждый капилляр орал от боли. Лёха попытался пошевелиться — не смог. Попытался вздохнуть — получилось, но с хрипом, как у старика с эмфиземой.

Перед глазами мигал интерфейс. Полупрозрачный, знакомый по играм, но непривычно реальный. И красный. Аварийный.

ЕДИНАЯ СИСТЕМА СВЯЗИ (ЕСС)Пользователь: Кривцов Алекс БорисовичУровень: 1Титул: НепричастныйСтатус: КРИТИЧЕСКИЙ. Отторжение Причастия. Осталось: 00:04:17Интерфейс: НЕ ДОСТУПЕНМагия: НЕ ДОСТУПНАРекомендация: обратитесь в ближайший храм. Или умрите.

— Отлично, — прошептал Лёха. — Даже в загробной жизни у меня BSOD.

Рядом кто-то плакал. Женщина. Лёха повернул голову — это заняло все его силы — и увидел её. Мать. Не его мать. Другая. Но глаза — как у всех матерей, теряющих сыновей. Красные. Опухшие. Полные отчаяния.

— Алекс, сынок, — всхлипывала она. — Не уходи. Пожалуйста. Не уходи.

Рядом — девочка лет двенадцати. Сестра, догадался Лёха. Плачет тихо, в кулачок. У двери — мужчина, бледный, сжал кулаки так, что побелели костяшки. Отец. И — старик в серой рясе. Жрец жезлом читает молитву.

— …и да примет Творец его душу, и да будет воля Твоя…— Так, — сказал Лёха вслух. — Стоп. Отбой. К «воле Твоей» я ещё не готов.

Женщина вскинула голову. Девочка ахнула. Мужчина шагнул вперёд. Жрец замолчал, уставившись на «умирающего» с выражением, которое Лёха видел у пользователей, впервые открывших командную строку. Смесь ужаса и любопытства.

— Сынок? — прошептала мать.— Мам, — сказал Лёха, и слово вышло на удивление легко. — Я это… перезагружусь ненадолго.

Он закрыл глаза. В интерфейсе осталось три минуты пятьдесят секунд. Тело горело. Отторжение Причастия. Что бы это ни значило, звучало как «несовместимость драйверов».«Так, — подумал он. — Я айтишник. Я чинил сервера. Будем считать что это тоже сервер — только биологический. Что я делаю с умирающим сервером?»

Ответ был очевиден и прозаичен как непреложная истина и знакомые до боли слова оператора техподдержки. Перезагружаю. Костылём, через консоль, но перезагружаю.Он мысленно «осмотрел» интерфейс. Красный. Мигающий. Бесполезный. Ни кнопок, ни меню — только текст. И в самом углу — едва заметная мигающая строчка-курсор. >_

Лёха мысленно «ткнул» в него. Открылась консоль. Чёрный фон, зелёный текст — как в старых фильмах про хакеров.

КОМАНДНАЯ СТРОКА ЕССДоступ: ОГРАНИЧЕН (непричастный)Введите команду: — Так, что у нас тут? help.Доступные команды: status, restart, restore, debug, exit.Остальные команды заблокированы. Обратитесь к администратору.

— Администратор? — хмыкнул Лёха. — а я тогда кто?

status.Уровень: 1. Титул: Непричастный. Статус: критический. Отторжение Причастия.Причина: несовместимость носителя и системного импланта.Решение: замена носителя (невозможно) или восстановление системы (требуется root-доступ).

— Root-доступ. Ну конечно. Всё как всегда: без рута даже не умереть нормально.Он попробовал:

> sudo restoreКоманда не распознана. Попробуйте help.— Ладно. restore.> restoreВосстановление системы...Ошибка. Носитель повреждён.Попытка обхода...Обход выполнен.Восстановление... 10%... 50%... 100%.Система восстановлена. Добро пожаловать, пользователь.

Интерфейс мигнул. Красный сменился зелёным. Тело перестало гореть. Лёха сделал первый полноценный вдох. Выдохнул. Открыл глаза.Мать смотрела на него. Жрец — тоже. У жреца дрожал жезл. Девочка — Настя, вспомнил Лёха, её зовут Настя — прыгала на кровати. Отец — Борис — стоял, открыв рот.

— Он… жив? — прошептал жрец.— Ну… — Лёха попытался улыбнуться. — Я это… ребутнулся малость.

Жрец упал на колени. Буквально, с грохотом. Лёха поморщился: колени у старика были явно не железные.

— Чудо! — завопил жрец. — Творец услышал наши молитвы! Непричастный — исцелён! Это знамение! Это…— Это перезагрузка, — сказал Лёха. — Но можете называть это чудом. Мне без разницы.Жрец не слушал и уже читал благодарственную молитву. Мать плакала, теперь от счастья. Настя визжала. Отец крестился.— Тише! — Жрец поднял руку. — Мальчику нужен покой! Он только что вернулся из-за грани. Ему нужно отдохнуть, восстановиться. Оставьте его. — Он посмотрел на мать. — Лариса, задёрни шторы, пусть поспит. Я приду завтра. Поговорим. И сообщу в храм. Это… великое событие.— Ага, — сказал Лёха – Отдых это как ра то что мне сейчас нужно, а тотглова как будто не своя.

Жрец вышел. Мать поцеловала его в лоб: «Отдохни, сынок. Я приготовлю поесть». Настя обняла так, что хрустнули рёбра: «Братик! Ты живой!» Отец просто стоял и смотрел. Молча. Потом вышел следом за матерью и Настей. Дверь закрылась.

Тишина.

Лёха или теперь уже Алексей лежал, смотрел в потолок, слушал, как за дверью стихают шаги, как скрипят половицы, как где-то капает вода. Как интерфейс мигает в такт пульсу.

Вот теперь — можно. Только он и «Древняя» глючная система. Как в старые добрые времена — только вместо сервера собственный мозг.

— Так, — сказал Лёха вслух. — Приступим к диагностике.

Он открыл консоль. Ввёл:> statusУровень: 1. Титул: Непричастный (ошибка). Статус: стабильный.Статы: Сила 5, Ловкость 6, Интеллект 12, Харизма 4, Удача 1.Мана: 10/10. Здоровье: 50/50.Особые способности: командная строка (скрытая), патчинг (скрытая), взлом (скрытая).

«Так. Уровень 1. Титул Непричастный. Это плохо. Непричастный — социальное дно, изгой. Даже если я починился, все будут видеть Непричастного. А значит — никакого доступа, никаких квестов, никаких возможностей. Надо это исправить».

Он снова открыл консоль:> helpДоступные команды: status, restart, restore, debug, exit, patch, hack, mask, memory.Новые команды разблокированы: patch, hack, mask, memory.

— О. Уже лучше. mask? Что это?> help maskmask — изменение отображения статуса для других пользователей.Синтаксис: mask(target: [self/other], parameter: [value], visible: [true/false]).Пример: mask(self, title, "Боярин", true) — все видят ваш титул как "Боярин".Внимание: маскировка не меняет реальный титул, только отображение. При проверке "Модератором" маскировка может быть раскрыта.

Лёха ухмыльнулся. «Маскировка. Как в играх. Только тут — реальность. И Модератор может раскрыть. Значит, маскироваться надо так, чтобы даже Модератор не заметил. Или заметил, но было уже поздно».

Он ввёл:> mask(self, title, "Боярин", true)Маскировка применена. Титул: "Боярин" (отображение). Реальный титул: "Непричастный" (скрыт).Внимание: маскировка может быть раскрыта при "глубоком сканировании".Теперь надо было замаскировать уровень. Уровень 1 — подозрительно. У четырнадцатилетнего пацана должен быть уровень… какой? Настя — уровень 4. Значит, у пацана его возраста — где-то пять–семь. Лёха ввёл:> mask(self, level, 5, true)Маскировка применена. Уровень: 5 (отображение). Реальный уровень: 1 (скрыт).Внимание: при повышении реального уровня маскировка автоматически корректируется (+1 к отображаемому уровню за каждые +1 к реальному).

— О умная система. Сама корректирует изменения. Значит, если я буду качаться, все увидят, что я качаюсь. Нормально. Как все, только чуть быстрее. Это тоже надо будет замаскировать но потом.

Он посмотрел на статы. Сила 5, Ловкость 6, Интеллект 12, Харизма 4, Удача 1. Для пацана — норм. Но «Боярин» должен быть сильнее. Или нет? Молодой боярин, только после Причастия — может быть и слабым. Лёха решил статы пока не трогать. Слишком много изменений и куча инфы которую надо сначала изучить. Все из принципа «Работает — не трогаем, а не работает – проверяем достаточно ли синей изоленты».И тут перед глазами сами собой всплыли картинки. Только не его картинки. И это было странно. «Сильномалостьматьего» странно.

Вот ему семь лет. Первый раз в храме. Жрец с реликтовым жезлом: «Не бойся, мальчик. Сейчас Творец коснётся тебя». Жезл касается лба. Искра, боль, и тишина. Пустота. Ни интерфейса, ни статов. Ничего. А потом голос жреца, глухой, как приговор: «Отторжение. Непричастный. Прости, мальчик».

Вот ему десять. Дворовые пацаны. «Эй, Непричастный! А правда, что тебя Творец отверг? А правда, что ты проклятый?» Камень в спину. Больно. Не физически — хотя физически тоже. Внутри, где-то под рёбрами.

Вот ему двенадцать. Мать плачет в подушку. Отец пьёт в подвале. «Долг, — шепчет отец. — Долг, долг, долг…» Как плохой скрипт, который зациклился и не может выйти из цикла.Вот ему тринадцать. Настя. «Братик, а тебя правда Творец не любит?» И он — Алекс, не Лёха, а тот, другой Алекс — гладит её по голове: «Нет, Настя. Творец всех любит. Просто… меня — чуть меньше».

Лёха резко сел на кровати. Голова закружилась. Чужие воспоминания накатили новой волной — как спам в почтовом ящике.

— Стоп, — сказал он вслух. — Стоп-стоп-стоп. Откуда я это всё помню?Он открыл консоль. Пальцы привычно дёрнулись — набрать команду, — но набирать надо было мысленно.

> help memorymemory — управление памятью пользователя.memory.info — информация о памяти.memory.log — журнал загрузки памяти.memory.dump — создать дамп (требуется root-доступ).

— memory.log, — пробормотал Лёха.

> memory.logЖУРНАЛ ЗАГРУЗКИ ПАМЯТИПользователь: Алекс Кривцов (исходный).Событие: критическое повреждение носителя (смерть).Действие: аварийная архивация памяти.Причина: стандартный протокол ECC при повреждении носителя.Статус: архив создан (сжатый). Место: временный буфер ECC.Далее: перенос сознания нового пользователя (Aleksey Krivoy) в тело.Действие: слияние сознаний.Результат: память исходного пользователя загружена в нового пользователя.Статус: ЗАВЕРШЕНО.Примечание: память исходного пользователя доступна как «вторичный дамп».Не является основной личностью. Может вызывать дезориентацию, головные боли, «фантомные воспоминания».

Лёха уставился на экран. Потом на свои руки. Потом снова на экран.

— То есть… — сказал он медленно. — Система, когда пацан умер, сделала бэкап его памяти. А потом, когда меня перенесло в это тело, залила этот бэкап в меня. Как драйверы после переустановки Windows. Только вместо драйверов — чужая жизнь.

Аварийная архивация — стандартный протокол ECC. При повреждении носителя система автоматически сохраняет память пользователя во временный буфер. Если носитель восстановлен или заменён — память загружается в нового пользователя.

— И я теперь помню его жизнь? Как свою?

Память загружена как «вторичный дамп». Вы можете получать к ней доступ, но она не является вашей основной личностью. Рекомендуется «индексировать» воспоминания по мере необходимости. При длительном использовании возможна «потеря личности» (вы начнёте считать себя Алексом Кривцовым, а не Алексеем Кривым).

Лёха хмыкнул. — «Потеря личности». Звучит как синий экран для мозга. Ладно индексируем.Он попробовал:

> memory.indexИндексация памяти... 10%... 50%... 100%.Доступно 47 «воспоминаний».Категории: семья (12), детство (15), Причастие (3), долг (8), Настя (6), «непричастность» (3).Рекомендация: не загружайте все сразу. Это может вызвать «переполнение буфера».

— Ага. «Переполнение буфера». Как в старые добрые времена. Ладно. По одному.

Он «открыл» первое воспоминание. Семья. Мать — Лариса Кривцова. Уставшая, добрая, каждое утро варит кашу. «Алекс, сынок, ешь. Тебе надо расти». Отец — Борис Кривцов. Запуганный, сломленный, но не злой. «Сынок, мы… мы справимся. Я найду деньги. Я что-нибудь придумаю». Настя — маленькая, восторженная. «Братик, а ты научишь меня магии? А ты меня защитишь? А ты…»

Лёха закрыл воспоминание. Голова закружилась, но несильно. Индексация работала: память сортировалась, как файлы по папкам.Следующее - Причастие. Первое. Семь лет, храм, жезл, искра, пустота. «Отторжение». Мать плачет. Отец сжимает кулаки. Настя не понимает, что происходит. Лёха закрыл воспоминание и поморщился.

Третье. Дворовые пацаны. «Эй, Непричастный!» Камень. Унижение. И — злость. Не его злость. Алекса. Тихое, бессильное: «Я не виноват. Я не выбирал быть таким». Лёха закрыл воспоминание. «Пока — хватит».

Он посмотрел на интерфейс. Память проиндексирована, вторичный дамп доступен. Голова болит, но терпимо — как после долгой ночи за компом.

— Так. Что мы имеем. Я — Лёха Кривой, айтишник. В теле Алекса Кривцова, четырнадцатилетнего «непричастного». С памятью Алекса в роли вторичного дампа. С командной строкой. С маскировкой «Боярин», уровень 5. И с головной болью. Попаданство в чистом виде.

> memory.dump sizeРазмер дампа: 2,7 ГБ. Сжатый. Доступен для «выгрузки» (требуется root-доступ).Рекомендация: не выгружайте дамп без необходимости. Это может привести к «потере памяти» (вы забудете жизнь Алекса Кривцова).

— Понял. Не выгружать. Память — ценный ресурс. Особенно в мире, где я ничего не знаю. Где я «непричастный» с командной строкой. Где каждый второй захочет меня «изучить» или «использовать». Память Алекса — это мой гайд по этому миру. Мой мануал. Мой README. Не выгружать. Индексировать. Использовать. Но не сливаться. Иначе — потеря личности. А я — Лёха. Не Алекс. Лёха. Запомнить. Записать.

Он ввёл:

> note add "Я — Лёха Кривой. Не Алекс. Память Алекса — вторичный дамп. Не сливаться."Заметка добавлена. Отображение: при «дезориентации».

Он откинулся на подушку. Посмотрел на потолок, на трещины, на паутину в углу. И на интерфейс. Титул: «Боярин» (маскировка). Уровень: 5 (маскировка). Всё как у всех.

— Ладно. План. Первый шаг — маскировка, сделано. Второй — прокачка. Третий — выяснить, что это за мир. Четвёртый — выжить. Пятый… пятый — потом.

Он открыл консоль. Ввёл:> logСобытие: восстановление системы. Пользователь: Алекс Кривцов. Время: [текущее].Аномалия: уровень доступа не соответствует титулу. Маскировка активна.Предупреждение: при обнаружении "Модератором" — возможен "синий экран".

— «Синий экран», — пробормотал Лёха. — Ну конечно. Всё как в жизни. Только тут синий экран — это не перезагрузка. Это смерть. Или что похуже.

Он закрыл глаза. Тело ещё болело, но уже не горело. Он чувствовал, как интерфейс мигает в такт пульсу, как по венам течёт магия — слабо, едва заметно, но есть. Как командная строка ждёт. Всегда ждёт.

— Хорошо. Теперь точно спать, а потом завтрак. Или обед. Или что тут у них.

Он замолчал. Потому что дверь открылась. И вошла Мила.

Мила была… нормальной. В мире, где все были либо «боярами», либо «жрецами», либо «непричастными», Мила была просто Милой. Уровень 8. Крестьянка. Служанка в доме Кривцовых. Шестнадцать лет. Русые волосы, собранные в хвост. Простое платье, фартук. И глаза — умные, внимательные. Такие ничего не пропускают. Даже маскировку.— Ты выжил, — сказала она. Не вопрос — констатация факта. Вообще както – так повелось что наедине Алекс общал ся с ней как с обычной сверстницей, может хорошей подругой, опуская титулы и прочую аристократию. Может потомучто ему просто нужен был кто-то близкий, а в «Своем» кругу он слыл изгоем, может был другой повод...

— Ну… — Лёха попытался улыбнуться. — Я это… перезагрузился.— Пере… что?— То есть… — Лёха мысленно выругался. — Творец исцелил. Да. Чудо и всё такое.— Ага, — сказала Мила. И посмотрела на него внимательно, будто видела насквозь. — Чудо. Да.Она подошла к кровати, села на край. Посмотрела прямо. Без страха, без благоговения — как на человека. Не на «чудо-мальчика», не на «непричастного». Как на Алекса. Или на Лёху. Неважно. Как на человека.— Слушай, — сказала она тихо. — Я не знаю, что с тобой произошло. И не спрашиваю: это не моё дело. Но я вижу. Ты не тот Алекс, что был вчера. Другой. Взрослее. Страннее. И глаза у тебя — как у старика. Как будто ты видел больше, чем должен был.

Лёха смотрел на неё и молчал. Что он мог сказать? «Да, я попаданец из другого мира, айтишник, умер от удара током, теперь живу в теле твоего друга, с командной строкой в голове и памятью Алекса в роли вторичного дампа»? Нет лишком рано и к тому же слишком опасно и для нее в том числе.

— Мила, — сказал он. — Я не могу объяснить пока. Но я не враг. Я — Алекс. Ну, почти. И я не хочу ничего говорить или утверждать пока сам не разберусь в этом всем.

Мила смотрела на него долго. Потом кивнула.

— Понимаю. Но запомни: я не дура, я вижу больше чем ты думаешь.

Лёха сглотнул.

— Понял.— Хорошо, тогда спи — Она встала, пошла к двери, остановилась. — И, Алекс. Я не знаю, что у тебя в голове, но глаза у тебя светятся когда ты «думаешь» как у голема на подзарядке. Не хочешь, чтобы кто-то заметил — придумай что-нибудь, а то спалишься.

Она вышла. Лёха посмотрел ей вслед, потом на интерфейс. Потом на свои руки, потом снова на интерфейс.

— «Глаза светятся», — пробормотал он. — Значит, это тоже надо замаскировать когда будет время, главное «Не думать» налюдях, как бы кринжово это не звучало.

Он открыл консоль. Ввёл:> note add "Мила — внимательная. Видит больше, чем нужно. Быть осторожнее."Заметка добавлена.

Он попытался встать. Голова закружилась, но терпимо. Тело слушалось, руки-ноги двигались. Интерфейс мигал, но работал. Командная строка ждала.— Ладно сначала сон и еда а потом все остальное — прокачка, маскировка, командная строка....просто еще один день заштатного айтишника.Он снова "Упал" на кровать. Усталость накатила такая, какбудто он пробежал пару километров, ане сделал несколько шагов. В комнате пахло ладоном, и чем-то ещё, чему Лёха не мог подобрать определения. Может, магией или просто новым миром.

Мир ждал. Система ждала. А Лёха закрыл глаза и провалился в сон. Потому что даже админы должны изредка спать.

# Глава 2 Завтрак

Просыпаться в чужом теле — это как включать чужой компьютер. Алекс открыл глаза и первым делом посмотрел в потолок. Потолок был деревянный, в трещинах, с паутиной в углу. Паутина — солидная, с многолетней историей, её хозяин явно не страдал от недостатка терпения .

Интерфейс мигнул в углу зрения, услужливо напоминая о себе:

> status

Пользователь: Кривцов Алекс Борисович

Уровень: 1 (отображение: 5)

Титул: Непричастный (отображение: Боярин)

Статус: стабильный

Голод: 84/100

Мана: 10/10

Здоровье: 50/50

Парень осторожно сел. Тело отозвалось с задержкой — как интернет у бабушки, пакеты вроде ходят, но латентность выходит за пределы допустимого. Хиленькие мышцы, острые коленки, торчащие ключицы. Алекс посмотрел на свои руки — тонкие пальцы, обгрызенные ногти.

— Ладно, — сказал он вслух, начиная привычную утреннюю диагностику. — Что мы имеем.

Он встал. Ноги держали. Голова кружилась, но терпимо — как после суток без сна перед релизом GTA 6. Он шагнул вперёд и едва не поехал. Тело умело ходить, а вот он сам пользоваться этим пока не умел. Человек впервые сел за руль после десяти лет перерыва — и руль, надо сказать, был не его.

— Автозагрузка, — вспомнил он. — Память Алекса. Делай как Алекс, не думай.

Он попробовал отпустить контроль. И получилось. Тело само сделало шаг, второй, третий — уверенно, без запинки.

— Жутковато, — признал Алекс. — Как будто я гость под чужой учёткой.

Он открыл дверь и вышел в коридор.

Дом был старый. Не «старый» в смысле «историческая ценность», а «старый» в смысле «сервер на пенсии, который держится на этом свете исключительно бллагодаря мотку скотча». Облупившаяся резьба на перилах, протёртая до гладкости ступень. На стене — портрет предка в доспехах. Ниже — магофонный счётчик, мигающий жёлтым.

На маленьком кристалле высветилось: «Заряд: 23%. Рекомендация: пополнить».

Лестница скрипела каждой ступенькой по-своему — как набор драйверов, которые никто не обновлял со времён прошлой версии мира. Снизу слышались голоса.

Алекс остановился перед дверью кухни. Вдохнул. Выдохнул. Проверил маску. Титул — Боярин, уровень — пять, лицо — примерно невинное.

— Так, — сказал он себе. — Я — боярский сын, переживший чудо. И должен вести себя как… как кто?

Ответ вытащился из памяти сам — консоль лишь подсветила запись в углу зрения:

> memory.get "завтрак"

Алекс не любил кашу. Но ел. Чтобы мать не расстраивалась.

Привычка: сначала размешать, потом есть. В глаза не смотреть.

Улыбаться.

— Улыбаться — повторил он тихо. — Значит, у меня есть рабочая конфигурация, проверенная прошлым владельцем. Не документированная, без комментариев, но работает.

Он открыл дверь и вошёл на кухню.

* * *

Кухня оказалась тёплой. Не по температуре — по ощущению. Чугунок на столе, пар над кашей, хлеб настоящий, с трещинами на корке. Лавки вместо стульев. Пахло кашей, молоком и сушёными травами на потолочной балке.

Мать стояла у печи и улыбалась. Улыбка держалась, как дом на честном слове. Глаза при этом были красные, видимо вчерашние слёзы до конца не вылились.

— Сынок, — сказала она. — Садись. Ешь.

— Братик! — Настя сидела на лавке, болтала ногами, а теперь подскочила. — Ты проснулся! А тебе было больно? А ты видел Творца? А он тебе что-нибудь сказал? А магию дал? А ты теперь будешь колдовать? А меня научишь?

— Настя, — сказала женщина — Дай брату поесть.

— Я и даю! Я просто спрашиваю! — Настя тут же придвинулась ближе, глаза горели. — А ты теперь как все? А тебя в храм пустят? А жрец придёт? Он вчера обещал!

Алекс мысленно оценил поток. Настя работала как пинг-флуд — вопросы летели со скоростью, при которой ответы уже физически не успевают. Двенадцать лет, DDoS-атака на собственного брата. И, судя по всему, ей только суждено набирать обороты.

— Отвечаю по порядку, — сказал он улыбаясь — Да. Да. Почти. Не скажу. Посмотрим.

Настя замерла с открытым ртом — похоже, впервые в жизни кто-то взял и обработал очередь её вопросов по регламенту.

Алекс сел за стол. Мать поставила перед ним чугунок. Каша — обычная, но с маслом. Масло настоящее, деревенское.

Он взял ложку. И — автоматически — размешал кашу. Не подумав. Рука сделала сама.

Мать выдохнула. Тихо, почти беззвучно. Так выдыхает человек, который всю ночь боялся выдохнуть.

— Ешь, сынок. Тебе надо восстанавливаться.

Алекс кивнул и начал есть. Каша была нормальной — не «вкусной» и не «невкусной», просто каша. Но с каждым глотком что-то внутри расслаблялось. Не у него — у Алекса. Тело помнило этот дом, мать, эту кухню, эту еду. А он сидел и с растущим ужасом осознавал главное.

Я думал, я играю Алекса. А выходит, Алекс играет меня. Границы сущности не задокументированы, конфиги потеряны, легаси в чистом виде.

Впрочем — не думать на людях. Мила вчера предупредила. Алекс поймал взгляд, уходящий в пустоту, и насильно вернул его в кашу. Размешать. Есть. Жевать. По одной ложке. Метод работы под одну задачу за раз, иначе вылетит «Синий экран».

Мила возникла у него за спиной — бесшумно, как тот самый фоновый процесс, о котором забываешь, пока он не съест всю память, — и молча поставила кружку с травяным отваром. Он поднял глаза. Она смотрела на него — не на «чудо-мальчика», не на «боярского сына». Просто смотрела. Внимательно, как проверяют показания счётчика.

— Спасибо, — сказал Алекс.

Мила кивнула и отошла. Но взгляд её он чувствовал спиной ещё минуты две.

Отец появился следом. Борис вошёл в кухню тихо, как будто извинялся за то, что вообще имеет право доступа в дом, сел в углу, взял ложку и уставился в кашу. Не ел. Просто смотрел — как администратор в одиннадцать вечера пятницы смотрит в консоль, когда упало всё.

Алекс поймал себя на том, что тоже смотрит на отца. На его руки — большие, мозолистые и какие-то пустые. Как будто они устали держать что-то, что всё равно упадёт.

Память подкинула картинку сама, без консоли. Вот Борис пять лет назад стоит у дверей храма. Алекс выходит — бледный, с пустым взглядом. «Отторжение». Борис сжимает кулаки. Молчит. Потом говорит: «Ничего, сынок. Мы что-нибудь придумаем». И уходит. И возвращается через три дня пьяный, с пустыми руками.

— Отец, — сказал Алекс.

Борис поднял голову — медленно, как система, выходящая из спящего режима.

— Я… — Алекс запнулся. Что говорить? «Я живой»? «Я в порядке»? «Я не совсем твой сын»? — Я это. Ну. Живой.

Борис смотрел на него долго. Потом кивнул и опустил глаза обратно в кашу.

— Хорошо, — сказал он. Голос был хриплый, как у механизма, который годами не смазывали. — Это… хорошо.

И замолчал. Молчание у него было профессиональное, с многолетним стажем.

— Я найду деньги, — сказал Борис вдруг. Не Алексу. Себе. В кашу. — Я что-нибудь придумаю.

Алекс смотрел на него. Впервые за утро он почувствовал не справку из чужой памяти, а человека. Отца. Пусть не своего. Но отца.

— Мы найдём, — сказал Алекс.

Борис поднял голову. В глазах — что-то. Не надежда. Но её тень.

— Мы? — переспросил он.

— Ну… — Алекс пожал плечами. — Я же теперь живой. Значит, и я могу что-то сделать.

Борис смотрел на него ещё секунду. Потом — очень медленно — кивнул.

— Ешь. Каша стынет.

Он вернулся к своей тарелке, но Алекс заметил что плечи у отца чуть опустились. Так опускаются плечи человека, который долго нёс что-то тяжёлое и на секунду позволил себе присесть.

Мила движением пальца разожгла огонь под чайником — без спички, без растопки, мимоходом, как переключают свет. Бытовая магия. Никто даже не повернул головы.

* * *

После завтрака Алекс вышел во двор. Нужно было подышать свежим воздухом и просто основательно проветрится.

Воздух был другой. Не московский, без выхлопных газов, зато с запахом травы, дыма и чего-то сладковатого, чему он пока не подобрал названия. Небо было настоящее — без смога, без засветки какое бывает на природе в дали от города.

Он прислонился к забору. Забор был деревянный, покосившийся — но стоял. Как и всё здесь.

— Долг, — проговорил он. — Пятьсот кредитов. Срок — месяц. Где я возьму пятьсот кредитов? Я даже не знаю, сколько это и в какой валюте.

Память ответила привычной строчкой в углу зрения:

> memory.get "долг"

Долг: 500 кредитов. Храм начислил + проценты.

Сосед-боярин Грызлов Срок — месяц. В случае не оплаты конфискация дома.

Алекс выругался. Тихо, по-русски, матерно — для четырнадцатилетнего боярского сына недопустимо, но рядом никого не было, а психотерапевтов сюда вообще не завезли.

Он посмотрел на дом. На окно, где мелькнула Настя. На крыльцо, где стоял Борис и смотрел в никуда. На Милу, которая вышла вылить воду и сделала вид, что не смотрит на него. Плохо сделала вид. Из неё вышел бы скверный ниндзя и скверный разведчик.

Он открыл консоль:

> log

Событие: пробуждение. Пользователь: Алекс Кривцов.

Аномалия: уровень доступа не соответствует титулу. Маскировка активна.

Предупреждение: обнаружены внешние запросы к профилю пользователя.

Источник: сельский храм. Статус: обрабатывается.

— Обрабатывается, — хмыкнул Алекс. — Как тикет в техподдержке. С той разницей, что техподдержка — это я.

Он закрыл консоль. Посмотрел на небо, на дом, на дорогу, ведущую в деревню.

* * *

Мила поймала его в коридоре.

— Алекс.

— Да?

— Ты странно говоришь, — сказала она. Как будто… не здешний.

Алекс напрягся. Маска была на месте.

— Я много болел, — сказал он. — Мозг… перезагрузился. Заново учусь.

Мила смотрела долго. Потом:

— Ладно. Но если тебе надо что-то узнать о деревне — спрашивай. Я не боярыня. Мне врать не надо.

Она пошла дальше. Алекс смотрел ей вслед и вспоминал вчерашний скан: уровень восемь, титул — служанка. Восемь — против его честных «единиц» и пририсованных «пятёрок». Уровень — это сила. А титул — права доступа. Как у корневого пользователя: командует всеми не потому, что сильнее, а потому, что права есть. А теперь в этой системе кто? Права — у него, сила — у неё. Классическое распределение ролей: разработчик и сисадмин. Сисадмин всегда знает про прод больше, чем автор.

* * *

Вечером Алекс сидел в своей комнате — точнее, в комнате Алекса. На кровати, с блокнотом. Бумажным, настоящим: он нашёл его в столе вместе с пером. Перо было неудобное — как печатать двумя пальцами после слепой десятипальцевой, — а облака здесь не синхронизируются, приходилось писать вручную.

Он вспомнил утро. Как размешал кашу — не думая, просто рука сама. Как не смотрел матери в глаза. Как улыбался. Как будто Алекс не умер, а просто отошёл с рабочего места и оставил его за старшего.

— Эй, — сказал Алекс тихо. — Алекс. Ты там? Если там — подскажи как быть боярским сыном? Как не спалиться?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.